

Тибилев Александр Арсеньевич (1888–1937) – югоосетинский советский писатель, журналист, общественный деятель; один из основателей газеты «Хурзæрин» («Заря») и осетинского литературного журнала «Фидиуæг» («Глшатай»).

А.А. Тибилев, имя которого сегодня носит Юго-Осетинский государственный университет, известен своей яркой публицистикой и переводами на осетинский язык русских и грузинских писателей; однако в историю осетинской литературы он вошел как основоположник осетинской литературной критики. Перу А.А. Тибилева принадлежат работы о Коста Хетагурове, Цомаке Гадиеве, Елбасдуко Бритаеве, Созырко Кулаеве, Коста Фарнионе, Дзахо Гатугее, Георгие Малиеве и др. писателях и поэтах, – их абсолютное большинство написано на осетинском языке.

Здесь мы публикуем одну из программных статей Александра Тибилева «Единый литературный язык для всех ветвей осетинского народа» (1925). Известно, насколько вопрос литературного языка был актуален для молодой Северо-Осетинской автономной области,

входившей тогда в состав Горской АССР. Статья А.А. Тибилева дает наглядное представление о состоянии гуманитарной сферы и опосредованно характеризует политическое содержание момента.

Исключительно в этом качестве – как документ эпохи – публикуется настоящий материал. Ибо при внешней логичности доводов главное заключение А.А. Тибилева достаточно спорно, как это показал, в частности, проф. Т.Т. Камболов в монографии «Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы» (Владикавказ, 2007), – и как это показала наша история: очевидно, что борьба за единый литературный язык обернулась драматическими перегибами и нанесла большой ущерб дигорскому языку и дигорской литературной традиции, которые также являются общеосетинским достоянием. Рекомендации А.А. Тибилева предполагают по-своему волюнтаристские методы решения проблемы (соответствующая «доктрина» и была положена в основу провального языкового строительства первой половины XX в.), вполне, впрочем, согласующиеся с духом эпохи. А ввиду последнего обстоятельства сегодня, спустя 100 лет, любой упрек в адрес А.А. Тибилева был бы, как кажется, не вполне справедливым.

А.А. Тибилев

Единый литературный язык для всех ветвей осетинского народа (В сокращении)

Вопрос об едином литературном языке для всех ветвей осетинского народа давно назрел для всестороннего освещения. (...) Однако этот вопрос по существу своему настолько сложен, что от историко-филологического общества потребуются исключительное проявление такта и вдумчивости для успешного теоретического его решения.

Насколько нам известно, в мире нет ни одного народа, язык которого не давал бы диалектных разветвлений, подчас более отличных друг от друга, нежели диалектные особенности наречий осетинского языка. И, с другой стороны, не существует ни одного культурного народа, который не имел бы своего литературного языка, поднявшегося над ди-

алектными разновидностями и ставшего орудием выражения мыслей своего народа. Коль скоро данный народ начинает переходить от младенческих представлений к понятиям высшего порядка, коль скоро рост его культурных требований вызывает необходимость в более совершенных средствах, создается вместе с появлением письменности и литературный язык. Народ, который не почувствовал потребность в создании литературного языка, не способен творить никаких культурных ценностей.

(...) Можно с некоторой смелостью утверждать, что осетинский народ вышел на широкую дорогу поступательного движения: осетинская письменность имеет более чем вековую историю, она озарена лучами творческого гения Хетагурова и других величин. И, однако, у нас нет литературного языка, удовлетворяющего цели всего народа, стирающего грани диалектного своеобразия наречий осетинского языка. В необычайно пестром калейдоскопе осетинских наречий, поднаречий, говоров и подговоров ни одна диалектная единица не сумела завоевать себе до сих пор господствующего положения, не сумела стать бесспорным камнем, на котором укрепится фундамент осетинского литературного языка. Правда, значительная часть литературных опытов на осетинском языке пользуется иронским диалектом, но это объясняется иронским происхождением авторов этих опытов, а не пристрастием служителей осетинской музыки к иронскому наречию, как носителю и основе общеосетинского литературного языка. Наоборот, приходится констатировать, что тенденция идти в этом вопросе разными путями намечается не только у дигорцев, но и у иронцев по ту сторону перевала. (...)

Если поворот от примитивных форм жизни и стремление приобщиться к общечеловеческой культуре у осетинских народных масс не носит поверхностного характера, но имеет под собой глубокие основания в особенностях осетинского народа, то потребность в литературном языке вызывается у нас естественным ходом нашего культурного развития и обогащением нашего сознания такими понятиями, которых был чужд осетинский народ в прошлом. Литературный язык неизбежно должен стать единым и общим для всех диалектных делений, коль скоро перед осетинским народом в целом встанет задача добиваться общими усилиями единых культурных целей. Чем скорее совершится у осетинского народа процесс перехода от диалектных пристрастий к общему осетинскому литературному языку, тем быстрее и успешнее станет бить пульс движения осетинского народа к высшим ступеням культурного состояния.

(...) Коль скоро отдельные племена осетинского народа установят единую точку зрения на литературный язык, для его обогащения и развития возможно будет использовать, как строительный материал, лексическое богатство всех диалектных разветвлений осетинского языка. Метод использования словарных ресурсов, кроющихся в отдельных

диалектах, сообщит достаточную гибкость некоему общеосетинскому литературному языку и уберет его от засорения варварическими элементами. Иная получится картина, если каждая ветвь осетинского народа задастся целью создать свой книжный язык, опираясь на языковые средства одного своего диалекта. В этом случае попытка выработать свой литературный язык неизбежно окончится полной неудачей, или придется настолько широко применить систему заимствования из иностранных языков, что такой литературный язык потеряет свой *raison d'être* (смысл существования).

(...) Если принять во внимание, что осетинскому народу неизбежно придется обратиться к сокровищам научной мысли и художественного слова других, более культурных народов, то станет очевидным, какую огромную положительную роль сыграет единство литературного языка и в росте нашей передовой литературы. Одно простое предположение, что переводческая работа может пойти по всем трем главнейшим линиям осетинского языка, вскрывает всю несостоятельность идеи создания параллельно существующих литературных языков на основе иронского, дигорского и туалъского наречия. (...)

При переходе в осетинских учреждениях к переписке на родном языке, что является, на мой взгляд, неизбежным, логика самого дела заставит остановиться на едином «книжно-приказном» языке, раз управленческий аппарат будет единым для всего осетинского округа и власть будет осуществлять одни и те же цели на территории осетинского народа. (...)

Само собой разумеется, что аналогия не доказательство, но исторический опыт других народов может показать нам, что идея общеосетинского языка не включает в себе ничего дикого и противоестественного. Грузинский народ делится на целый ряд племен, говорящих на разных, друг от друга резко отличных диалектах, например, картельский и мингрельский диалекты. И тем не менее весь грузинский народ пользуется одним литературным языком, и на нем с равным успехом подвизались карталинец Илья Чавчавадзе, имеретин Акакий Церетели и пшав Ваша Пшавела. При разобщенности отдельных частей исторической Грузии, при постоянных войнах с соседними народами грузинское племя сохранило всю национальную самобытность в числе других факторов и благодаря общегрузинскому литературному языку. Еще любопытнее история возникновения литературного языка русских армян. Этот язык зародился в середине прошлого века на основе эриванского диалекта, и им в настоящее время пользуется весь восточно-армянский народ без различия диалектных особенностей. Между тем язык акулиссских армян сильнее отличается от наречий карабахского и эриванского, нежели дигорский диалект от иронского. (...)

Если, однако, сравнительно легко решить принципиальный вопрос об едином книжном (литера-

турном языке) для осетинского народа, то гораздо труднее с полной объективностью остановить свой выбор на том диалекте осетинского языка, который целесообразно положить в основу нашей письменности. Здесь необходимо установить предварительно целый ряд основных предпосылок, которые дадут возможность наметить правильную точку зрения на этот предмет.

Первое. В основу литературного языка следует положить тот диалект осетинского языка, сфера распространения которого захватывает наибольшую территорию.

Второе. Этот диалект должен выражать историческую тенденцию осетинского языка при переходе к новым этапам развития.

Третье. Как фонетическая, так и морфологическая структура этого диалекта должны в большей степени выражать темп современной жизни.

Четвертое. При выборе основного диалекта предпочтение должно быть отдано тому наречию, на котором написаны крупнейшие произведения осетинской письменности, за которым имеется определенная историческая традиция.

Что касается распространенности того или иного диалекта осетинского языка, то в первую очередь по методу исключения придется снять со счетов так называемое туальское наречие. Только ненаучное предубеждение создало мнение о каком-то особом наречии, на котором говорят закавказские осетины, и объективно такой диалектной единицы не существует. Южная Осетия представляет собой мозаику говоров, отражающих пути заселения Южного склона Кавказского хребта выходцами из Северного Кавказа. Поэтому иронский говор, которым пользуется население верховьев Большой Лиахвы, очень близок к говору Куртатинского ущелья и сильно разнится от джавского говора, который звучит по среднему течению Лиахвы. В свою очередь, джавский говор, отличающийся от говора рукского, обнаруживает большое сходство с говором тибским и наро-зарамагским по эту сторону перевала. Характерное для северо-осетинских диалектов цокающее произношение, незнакомое населению Джавского района, сохранилось в ксанских ущельях, несмотря на порчу ксанского говора обильной примесью элементов грузинского языка.

Отсюда ясно, что в Южной Осетии не существует особого самостоятельного наречия, а есть только целый ряд говоров и подговоров иронского диалекта (...) Если принять во внимание, что и на Северном Кавказе иронский диалект является преобладающим, то в споре за первородство дигорскому языку придется уступить свое право младшему собрату, иронскому наречию, конечно, не за чечевичную похлебку, а во имя большой идеи единого осетинского литературного языка.

Нельзя считать случайным явлением, что на иронском диалекте говорит огромное большинство осетинского народа; объяснение этому факту надо искать в объективных исторических и психо-

логических причинах. Естественно возникает гипотетическое предположение, что в определенный исторический момент осетинский праязык обнаружил тенденцию к изменению своей фонетической и морфологической структуры. Эта тенденция нашла свое отражение в мозговых центрах всех без исключения индивидов, говорящих на осетинском языке. Развиваясь и усиливаясь, тенденция эта привела в языке огромного большинства осетинского народа к целому ряду особенностей, выразившихся с течением времени в иронском диалекте. Лишь незначительная западная ветвь осетинского народа, может быть, вследствие общения с кабардинским народом и влияния кабардинского языка, усвоила только уклон к изменению своего языка в направлении, проложенном иронской ветвью, но не развила этого предрасположения в действенный фактор.

Что в дигорском, без сомнения, существует такое предрасположение к усвоению особенностей иронского наречия и что в недалеком будущем это предрасположение приведет естественным образом к полному поглощению дигорского диалекта языком иронским, видно из некоторых наблюдений над современным состоянием диалектов осетинского языка и над некоторыми психологическими отличиями иронского и дигорского племени. В данный момент уже можно наблюдать, как некоторые ущелья Дигорского района, вроде Галиатского, начинают говорить на переходном дигоро-иронском говоре и как влияние иронского диалекта проникает в самую толщу дигорского населения. Очень показательной является и та необыкновенная восприимчивость к овладению иронским диалектом, которая наблюдается у дигорцев. Такая восприимчивость объясняется, по-видимому, именно определенным психологическим предрасположением дигорца к усвоению иронского наречия. И, наоборот, если очень редко можно встретить иронца, порядочно говорящего на дигорском языке, то это нужно объяснять трудностью (психологической) для представителей иронского племени реставрировать в своем сознании архаические и пережитые ими формы дигорского наречия.

В пользу иронского наречия как основы литературного языка говорит и та фонетическая и морфологическая простота, которая характеризует это наречие в отличие от дигорского диалекта. Красивые, но тяжеловесные архаические формы дигорского языка не соответствуют быстрому темпу современной культуры, которая требует от человека и быстрых движений и сжатой речи. Иронский диалект молод и исполнен энергии, и в этом его главное преимущество перед архаическими мягкими формами дигорского языка.

Наконец, нельзя упускать из виду и того весьма серьезного факта, что за иронским языком есть уже некоторое историческое право, что наша письменность по преимуществу существует на иронском наречии, что на этом диалекте писал свои вдохно-

венные песни Коста и творил в недавнее время Елбыздыко [Бритаев].

Существует опасение, что литературный язык в значительной мере оторвет умственные верхи от осетинского народа, выроет пропасть между осетинской интеллигенцией и осетинскими народными массами. Иными словами, осетинскую интеллигенцию может постигнуть печальная судьба дореволюционной русской интеллигенции, в свое время потерявшей духовную связь с русскими народными низами. Однако, это опасение является результатом простого недоразумения. Русская интеллигенция оторвалась от народа не потому, что говорила на литературном языке, а вследствие определенного классового характера ее составных элементов, особенно до появления на арене русской словесности так называемых разночинцев.

В условиях современной действительности, когда народные массы сами призваны ковать свою судьбу, когда школа в первую очередь раскрывает дверь им, народ будет владеть литературным языком, как лучшим способом человеческого общения, а литературный язык перестанет быть достоянием одного привилегированного класса. И это естественно, потому что, если обычная мысль «просто-

людина» возвращается в настоящее время в пределах 300 – 500 лексических единиц, то с расширением его умственного кругозора ему потребуется все богатое содержание литературного языка.

Некоторые затруднения может вызвать общеобязательный литературный язык в практике школьного преподавания, главным образом, для детей дигорского района. Однако эти затруднения можно будет устранить допущением преподавания на материнском говоре в первые годы обучения с постепенным переходом на язык литературный.

Заканчивая свои соображения по интересующему вопросу, мы можем резюмировать в таких основных положениях:

Первое. Литературный язык – признак культурной зрелости всякого народа.

Второе. В интересах культурного прогресса осетинского народа в целом ему необходимо создать единый литературный язык.

Третье. В основу этого литературного языка самым целесообразным является положить иронский диалект.

*Публикацию подготовил
д. ф. н. И.С. Хугаев*

